

УДК 930.1

Дискуссионные аспекты в изучении проблемы принудительных переселений народов в Союзе ССР

Бугай Николай Фёдорович

Доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник,

Институт российской истории РАН,

117036, Российская Федерация, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19;

e-mail: nikolay401@yandex.ru

Аннотация

В статье дискуссионные аспекты проблемы принудительных переселений в российской историографии прослежены на анализе нескольких из появившихся исследований. Обращено внимание на часто встречающуюся неряшливость в изложении материала авторами, в частности нарушение хронологического порядка при раскрытии последовательного ряда событий. Автор отмечает, что рассматриваемая тема отличается сложностью, находится всегда на стыке наук – истории, психологии, социологии, требует к себе пристального внимания и ответственности со стороны самих исследователей.

Для цитирования в научных исследованиях

Бугай Н.Ф. Дискуссионные аспекты в изучении проблемы принудительных переселений народов в Союзе ССР // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2015. № 4-5. С. 40-73.

Ключевые слова

Принудительное переселение, народы, межэтнические отношения, политика, власть, событийный ряд, изложение, искажение, оценка, историография, хронология.

Введение

По вопросам этой сложной проблемы российской исторической науки в числе возникших дискуссий в рассматриваемый период можно было бы выделить некоторые из них. Прежде всего, это толкование причин, природы форм правления обществом в условиях социализма, фальсификации отдельных сторон проблемы принудительных переселений, искажение хронологического принципа в толковании этапов принудительных переселений, введение в практику проблемы «покаяния», а также неверное, порой искаженное отражение многих аспектов проблемы в комплексе.

Дискуссионные вопросы комплексного исследования проблемы

В 2013 г. в ГОУ ВПО «Кыргызско-Российский Славянский университет» (г. Фрунзе) состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Л.Н. Дьяченко по теме «Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации)» [Бугай, 2014].

Знакомство с содержанием диссертации вызывает несколько вопросов к автору, прежде всего – по предлагаемой автором терминологии. Возможна ли она для дальнейшей трансляции? Как полагается, работе предпослан историографический обзор, в котором определенное недоумение вызывает название самих разделов, оно до конца строго не выверено, в нем фигурирует основной посыл – «репрессивные депортации народов», «массовая насильственная депортация» (!), и все последующее – в таком же духе. Как можно, например, понять вывод, что «существование в чуждом цивилизованном, этническом и конфессиональном окружении оказало серьезное негативное влияние на образ жизни депортированных, их образование и культурный уровень, привело отчасти к утрате родного языка» [Дьяченко, 2013, 3]. По нашему мнению, автор не должен, а обязан в данном случае учитывать тот факт, что граждане, переселенные в Киргизскую ССР, кроме греков, армян, корейцев, «власовцев», немцев, «оуновцев» (всех было незначительное количество), принадлежали к

мусульманской вере (чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, народы Закавказья). Они исповедовали ислам и были в таком же окружении. Более того, они переселялись на территории одного государства.¹

Автором ставилась цель и были оглашены обещания выработать объективную основу, а также предложить выверенную оценку «этническим и социальным депортациям». Правда, вместо поставленной, казалось бы, приоритетной задачи и получения необходимых, обоснованных исследователем ответов, что вообще-то и ждут от такой работы, наоборот, все зашло в тупик, породило вопросы, на которые уже даны ответы в исследованиях ученых, а исследователю необходимо было с ними просто познакомиться.

Судя по всему, причина в том, что Л.Н. Дьяченко не смогла четко определиться в своих научных положениях, выдвигаемых на защиту. В связи с этим вклад в разработку темы, если подходить в целом, незначительный. В труде не удалось решить главную задачу – обобщить достигнутое, предложить выводы, определить перспективу применительно самой темы и показать роль и место регионов, в частности Киргизской ССР, принимавшей принудительным образом переселенные народы.

Сказалось отсутствие познаний в истории национально-государственного строительства, его специфики и такой сложной проблемы как принудительное переселение народов на территории страны и в мировой практике. В этом плане Л.Н. Дьяченко навязывает обществу бездоказательное понимание проблемы, вызывая тем самым вопросы чисто дискуссионного порядка и выяснение соответствия представленного материала и особенно выводов исторической действительности.

В первую очередь это относится к обращению к таким понятиям, как «адаптация» и «интеграция» принудительно переселенных народов в местный социум. В связи с этим не совсем прозрачно выглядит толкование понятий «адаптационные модели». Вряд ли можно «втискивать» процесс адаптации принудительно переселенной этнической общности в какие-либо временные

1 Здесь и далее использованы данные, содержащиеся в документах, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и Государственном архиве социально-политической истории.

рамки. Затем следует отметить демонстрацию трудностей при реализации этих процессов, последовательность и очередность решения социальных проблем.

Что же лежит в основе того, что позволяет судить, делать вывод о завершении адаптации? К сожалению, над этим мало кто задумывается. Для переселяемых контингентов адаптация во многих регионах, особенно среднеазиатских, не занимала превалирующего места. Многие из переселявшихся граждан прибыли со схожих районов и в климатическом, и в географическом отношении. Главным для них было преодоление более емких житейских понятий – факторов пространственности и времени.

Не зная особенностей обустройства государственности народов на низшей ступени, автор пытается «протащить» недоказуемое. Так, касаясь вопроса о советских немцах в России, Л.Н. Дьяченко отмечает, что Автономия немцев Поволжья «просто исчезла с административной карты страны, она даже не была юридически ликвидирована, просто по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 октября 1941 г. ее районы были включены в состав Саратовской и Сталинградской областей» [Там же, 121]. Однако указ и есть юридическая основа для проведения той или иной акции.

Следует отметить, что это государственное образование создавалось на основе административно-территориального принципа, причем не только для советских немцев, но и для других этнических общностей, проживавших на его территории. И она была названа республикой потому, что на ее территории больший процент населения составляли немцы. Хотя автор и говорит об «уникальности» этой республики, однако ничего такого в ней не было. И вряд ли было целесообразным после переселения немцев оставлять это образование. Ведь главной задачей было сохранение экономической составляющей бывшей республики в общем потенциале государства. Конечно, без присутствия немцев это оказалось сложной задачей, так как для ее решения требовались прежде всего производительные силы.

Немцы – органичная часть российского населения. Поэтому следовало бы придерживаться строгого оперирования конкретным населением, в том числе и для иллюстрации научных выводов и мнений самого исследователя. Автор отходит от такого приема, используя для этой цели материалы, зачастую не

относящиеся к территории республики, затрагивая то Сибирь, то Алтай, то остров Сахалин и другие регионы страны, занимаясь общими рассуждениями, а не ведет конкретного разговора о Киргизской ССР.

Мало чем новым отличаются разделы, посвященные принудительным переселениям народов Северного Кавказа – карачаевцам, балкарцам, чеченцам, ингушам. И надо отметить, что автором и в этом случае приводятся в качестве иллюстрации первые попавшиеся ей под руку количественные характеристики, где-то эти сведения приводятся совместно с демобилизованным военными, принадлежавшими к переселявшимся этническим общностям, где-то сведения даны без учета военных. Что касается чеченцев, то необходимо учитывать и общее количество переселенцев чеченцев-аккинцев с территории Дагестанской АССР. По данным М.М. Шахбановой, убыло в спецпереселение 3142 семьи, 14 901 человек [Шахбанова, 2006, 31].

Говоря о принудительных выселениях турок-месхетинцев, курдов, хемшинов с территории Закавказья, следовало бы обратить внимание и на их численные характеристики, в том числе в Киргизской ССР. Все документы НКВД СССР определяют численность выселенных этнических общностей в целом в 95 000 человек, однако в литературе встречаются и сведения о 125 000 человек.

Л.Н. Дьяченко прибегает к использованию таких понятий как «тотальные депортации», «репрессивная политика государства», «советская депортационная политика», «репрессивная депортация» (!?), «принудительная депортация» (!?), новацией являются «геополитические депортации». Все они позаимствованы из других работ или являются надуманными.

Весьма бездоказательно представлен и вопрос об этнических меньшинствах, подвергшихся деструктивному воздействию в период Великой Отечественной войны (например, курдах, турках-месхетицах, финнах-ингерманландцах, советских корейцах, иранцах и др.), что вызвало неверное толкование этого вопроса у участников самой дискуссии.

Возникает вопрос о том, могли ли этнические меньшинства играть какую-либо главенствующую роль в изменении военно-политической ситуации в рассматриваемых регионах СССР. Л.Н. Дьяченко в своих выводах применительно к этническим меньшинствам относит эти действия к «геополитическим эле-

ментам страны» (понимай, как хочешь). Однако практика свидетельствует о том, что, не будь войны, развязанной фашистами, вряд ли вообще кто-то затрагивал бы названные этнические меньшинства. И вообще возникает вопрос, какая здесь геополитика? Каждое государство решало проблемы с учетом своих интересов и так, как оно считало необходимым. Для своих выводов автору исследования следовало бы обратиться к анализу международной практики и изучить ее.

Правовой аспект в международном опыте принудительных переселений

В правовом отношении мало чем отличались принудительные переселения начала 1950-х годов в США, где в 1953 г. была осуществлена насильственная депортация *иннуитов* (Гренландия). Чтобы освободить место для новой ракетной батареи, командир США велел иннуитам «убираться, дав им на сборы четыре дня». Все население было увезено в новую деревню, скоростным методом построены труппы на расстоянии 125 миль от прежнего места проживания. Американская пропаганда представляла эти события как добровольное переселение. Все это позволяет еще раз сделать вывод о том, что на первое место всегда ставятся интересы государства. Поэтому вряд ли было бы целесообразно сводить свой вывод к одной причине. Необходимо подумать, может ли эта мера принадлежать исключительно тоталитарной «советской системе».

Чем отличался американский ГУЛАГ от ГУЛАГА СССР? Эту роль в США выполняли спецлагеря «Топаз», лагеря в штате Айдахо и т.д., в которых содержались принудительно переселенные японцы. В период Второй мировой войны на территории США была создана система лагерей, куда насильственным образом сгонялись японцы, имевшие гражданство США. Более того, принималась и такая форма заключения в лагеря, как добровольный приезд. Именно здесь были сосредоточены более 120 000 японцев, из них 12 000 содержались в лагере штата Айдахо (лагерь Минидока) и во втором лагере – недалеко от г. Куския. Среди японцев были представители всех профессиональных направлений, в том числе артисты, ученые, музыканты и пр.

И эти акции проводились на законных основаниях – на основании директивы Ф. Рузвельта от 19 февраля 1942 г., чрезвычайного Указа Ф. Рузвельта № 9066. При этом Военная администрация наделялась неограниченными правами выселения людей в заранее подготовленные спецлагеря. Это были лица, подпадавшие под статус «недружественных по отношению к США». Первыми к такой группе причислялись японцы. Более 120 000 японцев на основе указа Ф. Рузвельта подлежали принудительному переселению, а заодно с ними и 11 000 немцев и не менее 3 000 итальянцев [Володин, 2015, www].

Одним словом, 135 000 граждан американского происхождения подпадали под статус «ведущих антиамериканскую деятельность». Для чего создавались и специальные военные зоны. Главы этих зон наделялись неограниченными правами, и только по их усмотрению могли подпадать под этот статус те граждане, которых они рассматривали как людей «с антиамериканскими настроениями». Работа переселенцев протекала в лагере. Имели место доносы, травля японцев, появились «семьи шпионов». Более того, сюда же свозились японцы и из соседних государств (Панама, Перу, Мексика, Канада и др.). Начинания правительства получали поддержку со стороны фермеров. Сразу же проявлял себя территориальный фактор. Фермерам нужна была земля, и они тут же занялись выращиванием культур, которые ранее выращивались японцами. Японцы до последнего подвергались маркировке. Условия содержания их в лагере были ужасающими, питание – скудным. Чрезвычайный Указ Ф. Рузвельта был отменен только в 1976 году! Последовали реабилитация и доказательство необоснованности выселения. Каждый из японцев, имевших гражданство США, получал 20 000 долларов [Там же]. Поэтому, по моему мнению, будет нелогично как доказывать существование подобных мер только в советской системе, так и отрицать их наличие (А. Авторханов, А. Некрич и др.).

В СССР причины переселения народов Прибалтики, Грузии были иными. Переселение проводилось по просьбе правительств этих республик, что подтверждается данными из архивных документов. Причинами переселения этнических меньшинств также являлись обострение опасного положения на границе (международный фактор), необходимость формирования пограничных зон, возникновение бифуркационного состояния в том или ином регионе страны и др.

Искажение процесса переселений российских корейцев

По причине неверных суждений и выводов в связи с незнанием вопроса, весьма острые возражения вызывают заключение Л.Н. Дьяченко применительно к советским корейцам. Это не является случайным, так как они в числе первых этнических общностей были подвергнуты принудительному переселению после выселения поляков и немцев с территории западных районов страны (1935–1936 гг.). Однако и в данном случае необходимо было бы обстоятельно познакомиться с имеющейся литературой по истории советских корейцев. Это позволило бы автору избежать во многом неверных трактовок разных сторон жизни российских корейцев на Дальнем Востоке.

В связи с этим некоторые выводы автора по этому вопросу вызывают определенное недоумение. Например, «характер компактного пространственного размещения (корейцев – *Н.Б.*) не соответствовал принципам интернационального, пролетарского воспитания советского человека» [Дьяченко, 2013, 88]. Но советские корейцы не жили изолированно от общества или на другой планете. Они проживали в условиях советской системы власти и пользовались своими правами наравне со всеми, принимали активное участие в политической и общественной жизни страны. У корейцев к этому времени уже известными были общественные объединения, имевшие свою программу, что подтверждают и опубликованные многочисленные архивные документы [Ильина, 2000, 18].

Трактуя вопрос об отношении корейцев к факту образования Еврейской автономной области и опираясь на мнение зарубежных исследователей, автор подтверждает, что это «могло бы повлечь за собой аналогичные требования прав корейского населения Дальнего Востока на создание своей национальной автономии» [Дьяченко, 2013, 88]. А что в этом преступного? Разве советские корейцы не могли требовать такого же права, какое было предоставлено другим народам в плане нациестроительства?

Автору следовало бы обратиться к этому вопросу в том плане, как он трактуется в российской историографии. Дело в том, что корейцы ставили вопрос об организации автономии перед Приморским губкомом РКП(б) и Корейской секцией при губисполкоме (Ли Ен Шен) сразу же после завершения Граждан-

ской войны на Дальнем Востоке и в ту пору они вовсе не предполагали, что будет решаться проблема автономии еврейской общности.

Важную роль в продвижении подобной идеи играл и член Центрального бюро Корейского Коминтерна Хан Меньше. Он полагал, что самым радикальным решением «корейского вопроса» было бы «предоставление корейцам территории областной автономии». Он также предполагал, что тем самым «будет усилен революционный энтузиазм в Корее и пролетарская солидарность с Японией». Но это не было выполнено. Что касается заключения Л.Н. Дьяченко, то это последующий этап в решении данного вопроса, но не есть причина принудительного выселения советских корейцев.

После создания Еврейской автономной области корейские лидеры в Биробиджане тотчас же снова выступили с инициативой формирования одновременно и корейской автономии и с этой целью даже учредили «Подготовительный комитет автономии», ходатайствовали перед Правительством СССР. Однако и в этот раз их ходатайство было отклонено.

Во второй половине 1930-х гг. корейцам было не до автономии. Только с октября 1936 г. по январь 1938 г. было расстреляно 5116 (0,3%) советских корейцев. Таковой была реальность. Хотя в первой половине 1930-х гг. функционировал Корейский национальный район, работу которого исследовала С.Г. Нам [Нам, 1991], он просуществовал до 17 декабря 1937 г.

Более того, из истории принудительного выселения корейцев с территории Дальнего Востока следовало бы отметить и такую особенность: корейцы (как и советские немцы) проживали на территории СССР дисперсно, а не только на Дальнем Востоке.

Касаясь проблем принудительных переселений в целом, вряд ли можно согласиться с посылом Л.Н. Дьяченко, согласно которому принудительные переселения кулачества явились первой социальной мерой (разные условия, разные причины, оно переселялось в рамках одной страны) и послужили «моделью» для будущих переселений целых народов – «геополитических депортаций». В данном случае автор опускает жесткие принудительные переселения российского казачества, в частности на Дону, Тереке, Кубани, а также учиненный против казачества открытый геноцид. Более того, как же все эти случаи со-

прягаются с понятием «депортации по национальному признаку»? Опять же возникает вопрос о том, кто же оставался в этот период в СССР в числе не подвергшихся принудительному переселению.

Не менее интересно и другое открытие автора. Главную причину переселения советских корейцев во второй половине 1930-х гг. Л.Н. Дьяченко видит исключительно в том, что они «имели собственное государство с буржуазной формой правления». Следовало бы все-таки ознакомиться с историей появления 150 лет тому назад (с 1864 года – года *канчжа*) корейцев на территории СССР. Такое утверждение звучит как оскорбление в адрес советских, российских корейцев [Дьяченко, 2013]. В 1937 г. уже исполнилось более 70 лет со дня добровольного переселения их в Россию. А для многих из них Россия вообще была родиной, они в ней родились.

По мнению Л.Н. Дьяченко, советские корейцы также в наименьшей степени поддавались политике советизации. Но в действительности же корейцы составили костяк партизанского движения на Дальнем Востоке в борьбе за Советы и в период Гражданской войны². В ходе коллективизации они имели самый высокий показатель в крае. На 1931 г. в Посъетском районе он составлял 94%, в других районах – 70%³. По имеющимся данным на октябрь 1931 г., было образовано 200 корейских коллективных хозяйств с 12 000 колхозников⁴.

Одним словом, как отмечает Л.Н. Дьяченко, «статус корейцев был крайне противоречивым. Это был народ, насильственно высланный в целях пресечения «японского шпионажа» [Там же, 89]. Ей же принадлежит и утверждение, что «до Великой Отечественной войны этнической депортации подверглись корейцы, поляки, финны и курды, которые, как считало советское руководство, в силу своей этнической принадлежности представляли угрозу внешнеполитическим интересам СССР» [Там же, 117]. То есть автор не знакома с изданием серии из 14 книг «Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938 гг.» (сост. С. Ку-Дегай).

2 ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 29. Д. 48. Л. 69.

3 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 55-61.

4 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 69; Ф. Р. 5446. Оп. 29. Д. 48. Л. 43.

Что касается поселения корейцев на территории Киргизской ССР, то Л.Н. Дьяченко по этому поводу пишет, что «корейцы появились здесь после смерти И. Сталина, и связано это было с ослаблением их политического преследования» [Там же, 96]. В связи с этим ею же дается оценка положению корейцев в системе отношений. «Корейцы, – считает она, – наиболее ярко из всех переселившихся народов демонстрируют результат политики тоталитарного режима – политики денационализации и интернационализма в самом крайнем его проявлении – этнической стерилизации».

Данное утверждение не совсем соответствует действительности. Уже в 1937 году незначительная часть корейцев была поселена на территории Киргизской ССР (образована 5 декабря 1936 г.), в частности на предприятиях объединения «Киргуля». По сведениям НКВД Узбекской ССР о приезде корейцев-переселенцев на шахту «Сулукта» (одноименный город с 1940 г.), до 5 декабря 1937 г. на станцию «Пролетарская» («Кируголь»), где осуществлялась добыча бурого угля (с 1868 г.), прибыла 51 семья (187 человек). В обобщающей докладной записке наркома, председателя СНК Узбекской ССР С. Сегизбаева (19 декабря) уже значилось 215 корейских хозяйств. В последующем наблюдалась тенденции роста численности корейцев на территории Киргизской ССР⁵ (см.: [Хан, Сим Хон Ён, 2014, 70]). И трудились они там совместно с более чем 50 000 других спецпереселенцев. А что касается «ослабления режима пребывания советских корейцев» на поселении, то оно проявилось в связи с созданием Переселенческого управления при СНК СССР, при СНК союзных и автономных республик, в ведение которых передавались и советские корейцы, проживавшие в это время в Средней Азии⁶.

5 ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 29. Д. 48. Л. 146-147, 156-160.

6 10 июля 1936 г. постановлением Советского правительства Всесоюзный переселенческий комитет был переведен в структуру НКВД СССР. В связи с этим в его структуре был сформирован Переселенческий отдел, существовавший до 1939 г. В конце 1940-х гг. задачи его претерпели заметное изменение. В 1949 г. Главное переселенческое управление функционировало при Совете Министров СССР. Постановлением Совета Министров СССР № 2895 от 7 декабря Главное управление перешло в состав Министерства сельского хозяйства СССР, а на основании постановления Совета Министров № 2344 от 1 декабря 1954 г. «Об упорядочении дела организации сельскохозяйственного и промышленного переселения» Главное переселенческое управление было ликвидировано.

В связи этим несколько странно звучит утверждение Л.Н. Дьяченко о том, что «в начале 1940-х годов, когда было ослаблено политическое преследование корейцев, некоторые молодые парни и девушки *умудрились* вырваться из мест спецпоселения советских корейцев и поступить в техникумы и институты в тогдашней столице республики – г. Фрунзе» [Дьяченко, 2013, 96]. «Умудриться» можно, но превратить эту идею в реальность в той обстановке было не совсем просто. Дело в том, что корейцы в начале 1940-х гг. были переподчинены Переселенческому управлению при СНК СССР и республиканским управлениям. Соответственно, режим их пребывания был ослаблен. Более того, появилась и инструкция № 196, на основе которой корейцам разрешалось выдавать паспорта. Правда, потом выдача паспортов была прекращена. В этом и вся мудрость.

Принудительно переселенные этнические общности в Киргизской ССР

По данным Л.Н. Дьяченко, всего в Киргизской ССР расселялись 131 000 спецпоселенцев, проживавшие в 96 спецпоселках. Конечно, было бы целесообразным больше внимания уделить специфике, если таковая была, взаимоотношений местных органов власти со спецпереселенцами. Однако автор восприняла эту специфику по-своему. Так, не совсем понятно и утверждение Л.Н. Дьяченко, почему Киргизская ССР – составная часть СССР, в которой действовали те же самые законы, то есть функционировало единое правовое пространство – стала заложницей и проводником «*депортационной политики центра*». С какой стороны? И каким образом это сочетается с выводами автора?

С одной стороны, автором отмечается замкнутость, корпоративность сознания переселенцев, а с другой – превозносится уровень толерантности (понятие не соответствует той эпохе). С одной стороны, Киргизская ССР «страдала от наплыва населения» (на апрель 1949 г. – 26 741 человек), а с другой – испытывала нехватку производительных сил, причем аналогичные утверждения были сделаны и применительно к переселенцам Северного Кавказа.

Надо учитывать, наверное, и те средства, которые направлялись для переселенцев центром. В Киргизии имелись десятки заведенных уголовных дел об использовании этих средств не по целевому назначению, о чем свидетельствуют и уголовные дела в архиве Прокуратуры СССР. Ничего себе заложник! В работе нет сбалансированной подачи материала и соответствующих выводов. Вероятно, это неизвестно диссертанту, сказала слабая проработка архивов.

Вызывает определенные вопросы и сделанное диссертантом заключение о том, что «массовая депортация малых (!) народов продолжала служить целям ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе» [Там же, 168-169]. Исходя из постановки проблемы применительно к территории Киргизской ССР, наверное, надо этот постулат рассматривать на примере чеченцев, ингушей, крымских татар, балкарцев и других. С учетом корпоративного сознания и грамотности интересно, была ли эта ассимиляция? А как же быть с контактами в сфере культуры, с изучением киргизского языка, знакомством с кухней народов, проведение совместных праздников, свадеб, о чем очень ярко и доходчиво излагает в своей диссертации, а в последующем и в книгах балкарец-спецпереселенец Х.И. Хутуев, защитивший первым среди ученых-историков диссертацию по сложной проблеме принудительных переселений граждан СССР – балкарцев?

Касаясь правового статуса спецпереселенцев и его видоизменений, автор снова возвращается к постановлению СНК от 8 января 1945 г., основные положения которого уже ранее были им изложены. К сожалению, в анализ нормативно-правовых актов, управленческих решений включены почему-то и документы, касающиеся Сахалинской области, Алтайского края (см.: [Там же, 241-243]). Это характерно и для анализа документов о снятии ограничений по месту жительства применительно проживавших на территории Киргизской ССР спецпереселенцев, также привлечены материалы вне республики, включая и народы Прибалтики (см.: [Там же, 261]).

В возвращении спецпереселенцев на историческую родину почему-то также привлечены, например, материалы обобщающего характера, но не о тех гражданах, кто проживал на территории республики (см.: [Там же, 265]), просматривается определенный уход от собственной темы исследования.

Специально задался целью выяснить по всему тексту диссертации, сколько же калмыков прибыло в Киргизскую ССР и когда это произошло, что, казалось бы, должно было быть указано в диссертации. Но, увы! И этот вопрос прошел мимо внимания исследователя, зато было написано много общих слов.

Эти сведения удалось найти в монографии исследователя истории калмыков профессора К.Н. Максимова «Калмыки в советскую эпоху: политика и реалии». Автор писал об этом и в своих ранее вышедших книгах. Так вот, для сведения Л.Н. Дьяченко к концу 1940-х гг. заметно расширялась география расселения спецпереселенцев-калмыков. В 1948 г. значительное количество калмыков завербовались и выехали на спецпоселение в Киргизскую и Узбекскую ССР. И к 1949 г. в Киргизской ССР уже было 53 семьи (143 калмыка), а в 1952 г. – 96 семей (274 человека), в 1953 г. они проживали в шести областях республики – 97 семей (299 человек). Вот и хотелось бы видеть на страницах исследования Л.Н. Дьяченко ответ на вопрос, каким образом обустроивался в республике этот контингент населения, в качестве составляющей части темы исследования. К сожалению, и этот вопрос обойден автором. Поэтому неслучайно и последовали обращения то к одному, то к другому субъекту, но не к ситуации в Киргизской ССР, в том числе и применительно к калмыкам.

И в этом же разделе содержится следующий вывод автора: «этническая депортация была логическим продолжением сталинской политики и предусматривала хоть какие-то геополитические интересы советского государства (?), то последствия реабилитации были неожиданными, и впоследствии стали трагическими для Российской Федерации в целом и Северного Кавказа в частности...» [Там же, 290]. Было бы целесообразным разделить вывод на две части.

Во-первых, принудительные переселения практиковались на территории страны начиная с 1918 г. и до середины 1920-х гг.: российские казаки переселялись с территории Дона и Северного Кавказа (Г. Орджоникидзе); корейцы-рабочие – с территории Дальнего Востока (1924 г.); армяне – попытки выселения с территории Адыгеи; курды, армяне – с территории Тбилиси (Грузия); русские – с территории Кабардинской АО (А.И. Микоян). Для полного вывода необходимо более детальное изучение этого процесса. Ощущается слабое ори-

ентирование самого автора в исторической науке, и отсутствие выводов к разделам в представленной работе не является случайным.

Во-вторых, автор явно преувеличивает второй процесс с наличием определенной тенденциозности. В чем трагизм? Спецпереселенцы возвращались к своим местам. И для этого проводился комплекс мероприятий на государственном уровне.

Вопрос о реабилитации этнических общностей

Более объемное представление о мерах, связанных с началом реабилитации репрессированных народов, в частности народов Северного Кавказа, о которых пишет Л.Н. Дьяченко, позволяет составить выявленная в 2010 году в материалах Переселенческого управления при Свете Министров РСФСР (ГАРФ) Стенограмма кустового совещания, проходившего 25 августа 1960 г. в г. Нальчик (Кабардино-Балкарская АССР) [Стенограмма..., 2011]. В документе показана наполняемость этих мер, раскрыты вопросы формирования нормативно-правовой базы, содержатся оценки итогов работы, выполненной органами государственной власти края, а также центральными ведомствами СССР и РСФСР.

Тема совещания была определена как рассмотрение вопроса «О завершении трудового и хозяйственного устройства возвращающегося на прежние места жительства населения и о мероприятиях по завершению этой работы». В работе совещания также принимали участие специалисты Госплана РСФСР, Российской республиканской конторы Госбанка СССР, Министерства сельского хозяйства РСФСР, Министерства коммунального хозяйства РСФСР, Министерства здравоохранения РСФСР, Министерства просвещения РСФСР и Роспотребсоюза.

Стенограмма позволяет по-другому взглянуть на проблему, сделать определенные корректировки в существующих оценках. Однозначно, такие этнические общности, как карачаевцы, балкарцы, ингуши, чеченцы и калмыки, прошли полную реабилитацию уже во второй половине 1950-х и в 1960-е гг. В 1990-е гг. на практике фактически были повторены в большей мере в усеченном размере (индивидуальная реабилитация) все ее направления.

Реабилитация в 1960 г. для многих из этнических общностей СССР, подвергшихся репрессии, не получила завершения. В выступлениях на Всероссийском совещании, где заслушивались итоги реабилитационных мер по народам Северного Кавказа, констатировалось, что «*реабилитация балкарцев, чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев завершена*». 1960-й год рассматривался участниками совещания как «*год окончания возвращения населения автономных республик и областей*». По итогам совещания представляется обобщающий отчет в ЦК.

Не совсем верно толкование автора положения русским, оказавшихся в этой ситуации. Так, Л.Н. Дьяченко констатирует: «Большую роль сыграл тот факт, что русские не предавали особого значения тому, на чьих землях они живут, и у них не сложилось сверхценностного отношения к тому дому, земельному участку» [Дьяченко, 2013, 301]. И далее автор замечает: «Поэтому они легче уступали дома чеченцам и ингушам...» [Там же].

Почему же автор так неблагосклонно относится к русским? Л.Н. Дьяченко не следовало бы забывать, что русские переселялись в эти регионы из дальних весей, при этом по государственному заданию, но почти также в принудительном порядке при мощной агитации, давлении. И об этом свидетельствует многочисленная информация в архивных документах. Подобные действия осуществлялись в большей мере по указанию обкомов, крайкомов партии, и переселенцы рассматривали факт переселения как государственное задание. Нижеследующий документ как раз раскрывает эту ситуацию. Очевидно, в тех районах, куда переселяли русских, их ничто не привлекало. Они там не обогащались, а трудились, чтобы выжить и при первом случае отбыть в свои места прежнего проживания.

«Председателю Совета Министров РСФСР

тов. Козлову Ф.Р.

3 февраля 1958 г.

В Краснодарский край в 1957 г. прибыло из Чечено-Ингушской автономной республики 120 русских семей. Эти семьи раньше, после выселения чечено-ингушей, были *планово* туда переселены, но в силу сложившихся обстоятельств покинули местожительство.

Прибывшие семьи крайне нуждаются в материальной помощи и в помощи строительными материалами для строительства жилья.

Крайисполком просит разрешить оформить прибывших из Чечено-Ингушской республики 120 семей переселенцами, распространив на них постановление Совета Министров РСФСР от 9 февраля 1953 г. № 517 и выдать кредит в сумме 720 000 рублей и строительные материалы, согласно Приложению 22.

Председатель крайисполкома Б. Петухов»⁷

Обращаясь к выводам Л.Н. Дьяченко в проведенной исследовательской работе по столь сложной проблеме, следует заметить, что суждения автора являются противоречивыми. В частности, она констатирует: «Депортация наносила тяжелый удар по национальностям, расшатала их традиции, культуру и т.д.», но и тут же отмечает: «Однако депортация не только не смогла разрушить эту клановую систему (имеются в виду чеченцы – *Н.Б.*), а, напротив, укрепила ее за счет выработки механизмов показной внешней интеграции при сохранении внутренней традиционности» [Там же, 318]. И самое печальное – это то, что автор забыла хотя бы как-то увязать Киргизскую ССР с тем, что ей удалось выяснить. О главном предмете исследования говорится мимоходом.

Мнение ученых по вопросам дискуссии

По поводу положений Л.Н. Дьяченко высказаны мнения и других участников дискуссии (например, докторов исторических наук, профессора Э.Дж. Манаева и Н.С. Усуповой), но они не всегда носят согласительный характер. Правда, в определенной части они, все-таки, идут на поводу у исследователя, веря ему на слово. Вероятно, по причине слабого знакомства с литературой по теме. А так бывает.

На основании чего можно согласиться с таким, например, заключением автора, которое умиляет бездоказательностью актуальности: «Убеждены, – утверждают авторы, – актуальность темы исследования важна ... и для всего мирового сообщества, заинтересованного в своевременном предотвращении подобных масштабных трагедий»? Надо было бы привести пример, где на-

7 ГАРФ. Ф. А. 518. Оп. 1. Д. 77. Л. 44.

ходится это самое заинтересованное сообщество. Вероятно, США, Испания, Германия, Косово, кто еще?

Зато авторы точно сформулировали задачу, именно ту, которую они хотели бы видеть в представленном научном труде: «Мы мало знаем о том, какой прием встретили невольные мигранты в новых местах вселения, и многим ли из них удалось интегрироваться в народы, изначально населявшие эти территории», – утверждают Э.Дж. Манаев и Н.С. Усупова. Вот и я о том же. На этот главный вопрос ответ, конечно же, отсутствует.

Вероятно, неслучайно возникло у этих же участников дискуссии и такое замечание. «Как известно, – констатируют они, – в западной историографии существует мнение, что этнические меньшинства имели право выбора ассимиляции с господствующей культурой; что режим стремился искоренить «территориальную идентичность» некоторых меньшинств, но не уничтожать их физически; и что сосланные могли, в конце концов, подавать апелляции в индивидуальном порядке. Споры по этому вопросу активно продолжаются, и хотелось бы знать мнение автора данного диссертационного исследования» [Там же]. По нашему мнению, и этот вопрос остался также вне интересов исследователя при наличии множества этнических меньшинств как спецпереселенцев на территории Киргизской ССР. О них не идет речь и в выводах автора.

Возникает невольно и вопрос о том, в чем же новизна исследования. В формировании новой источниковой базы? Так источников нет, кроме некоторых выявленных документов по обстановке в Киргизской ССР. Поэтому и не удалось найти ответ на применяемые произвольно понятия «нерепрессированные депортации», «насильственная депортация» (перлы исследователя). Надо было дать пояснение и понятию «концепция репрессированной политики» (вероятно, оно производное от неумных фантазий самого автора).

К сожалению, трудно согласиться и с другим заключением, согласно которому «несмотря на крайне тяжелое экономическое и морально-психологическое изначальное пребывание в республике, народы продолжали свое существование». Автор не представил толкование для подобного вывода. Нет оценки таким фактам как утрата народами единой территории, языка и т.д. Особо следует отметить и о восхищении участников дискуссии, посвященном проблеме

реабилитации. К сожалению, ее содержание не связано с Кыргызстаном, искусственно привязано к иллюстративному материалу по Сахалину.

Вызывает возражение и следующее утверждение: «Советская власть не учитывала интересов как самих депортированных народов, так и республик и областей, куда они (депортировались – *Н.Б.*) и смогли возвращаться» [Дьяченко, 2013, 12]. Где же доказательства? Клевета в чистом виде (см. документы фонда Прокуратуры СССР, в первую очередь дела о привлеченных к судебной ответственности представителей республик Средней Азии). Ну, конечно, не обошлось и без русификации, ее косвенных методов, а затем последовал вывод о том, что «наверное, органам власти удалось сделать кыргызацию чеченцев и ингушей» [Там же, 207]. И это научное заключение?!

Участники дискуссии, предъявляя претензии исследователю, замечают, что очень хотелось бы видеть, как местная власть Кыргызстана предпринимала позитивные меры по их (спецпереселенцев – *Н.Б.*) закреплению в республике. Однако этот вопрос остается вне поля зрения исследователя, который констатирует, что «Киргизия стала заложником в депортационной политике Центра». Автором приведены и некоторые примеры, но главный вопрос как раз и остался без ответа. Что понимать под «этнической депортацией»? Например, кулаки принадлежали почти ко всем национальностям. А вообще были ли неэтнические депортации?

По нашему мнению, вряд ли можно сюда притягивать за уши и теорию – «перевоспитанные народы». Представители этих народов воспитывались на базе советской идеологии, а вот Л.Н. Дьяченко явно нуждается в «перевоспитании», чтобы объективно излагать положения. Уровень грамотности чеченцев, ингушей, как и других этнически общностей, к середине 1940-х годов был высоким.

Непонятно, почему возносилась хвала представленной работе. «Удалось определить ряд новых подходов в оценке депортации народов в годы сталинизма и ее последствий на территории СССР». Почему не названы подходы? И почему именно в годы сталинизма? При Ленине выселяли всех казаков, при Микояне были попытки выселения русских из областей Северного Кавказа, а при Орджоникидзе – казаков из Терской области и т.д.

Данное исследование не обладает даже справочным статусом, так как автором использовались количественные характеристики, которые попадались на глаза.

Боле четкую позицию занял в дискуссии по проблеме переселенных народов на территории Киргизской ССР член-корреспондент НАН Д.Д. Джунушалиев, остановившийся в конкретном случае на анализе принципа приверженности исторической родине, месту проживания. Он также, касаясь вопроса реабилитации народов, переселенных в Киргизскую ССР, констатировал, что она «проходила долго, скачкообразно и далеко не всегда последовательно, отличаясь существенным нюансами по отношению к различным народам, и вплоть до распада СССР не была решена в полном объеме». Однако это было не всегда так. В первую очередь надо было всех вернуть на места прежнего проживания. И это делалось на практике, как только были приняты нормативно-правовые акты по этому направлению. Это действие уже было актом реабилитации. Эта мера стала внедряться в жизнь начиная с середины 1950-х годов. Народы Кавказа 25 августа 1960 г. на совещании в Нальчике объявили об окончании реабилитации. Что касается крымских татар, немцев, то к ним были предъявлены особые требования.

Д.Д. Джунушалиев сбалансировано подходит к оценке отрицательных и положительных моментов в самом процессе. Выразить согласие с его точкой зрения, согласно которой «массовая социальная депортация рубежа 1920-х – 1930-х годов послужила своеобразным образцом для последующих массовых этнических депортаций», – задача сложная. Дело в том, что, как отмечалось, Л.Н. Дьяченко игнорировала массовое выселение казачества в 1918–1921 гг. и проявление к ним открытой формы геноцида.

Упомянутые доктор исторических наук Э.Дж. Манаев и Н.С. Усупова полагают, что исследователь верно констатирует, что тотальные депортации являлись следствием и неотъемлемым компонентом «репрессивной политики государства в годы сталинского режима». Вывод напрашивается сам собой – Союз ССР стал открывателем подобных действий. В других государствах за долго до этого времени такие действия не имели место? Или там действия органов власти не носили иной характер?

Однако надо отметить, что само понятие «тотальные» в документах отсутствует, это выдумки исследователей. И почему подобные меры нельзя рассматри-

вать как механизм, форму обеспечения стабильности в государстве, в глубоком тылу? Это даже обязанность государства. Аналогичные меры, как отмечалось, были разработаны и приняты на вооружение США и другими государствами, в частности Германией. По нашему мнению, назвать «малыми» народами переселяемых с территории Северного Кавказа – это грубая ошибка. Все они имели государственные образования. Нельзя обвинять СССР в том, что только в период распада такие этнические общности, как турки-мехетинцы, крымские татары, получили право на возвращение. Это не так. Вопросы ставились неоднократно.

Часть турок-месхетинцев переезжала в Апшеронский район Краснодарского края. В новой ситуации проблемой турок-мехетинцев занималась Грузия, а проблемой крымских татар – Украина. Более того, РСФСР предоставила крымским татарам из госбюджета 500 млн рублей на переселение с территории Узбекистана. Таким образом, вывод носит не совсем корректный характер.

Как отмечалось, понятие «геополитические депортации» абсолютно надуманное, да и не соответствует действительности. Подумайте сами, могли ли такие этнические меньшинства, как караимы, ингерманландцы, курды, хемшины (около 2000 человек), проживая на пограничных территориях, как-то воздействовать на геополитику? Конечно же нет. Просто исследователю захотелось внести в работу «изюминку». И эту «изюминку» спокойно проглотили.

Из области фантазии и предложение о замене понятия «наказанные народы» (А. Некрич) на «перевоспитанные народы»; сами народы, услышав такое, обидятся. А. Некрич под этим подразумевал всех тех, кто подвергался деструктивному воздействию со стороны органов власти. Более того, никто не занимался воспитанием репрессированных. Они сами решали эту задачу с учетом того, что среди них были поэты с мировым именем, писатели, учителя, инженеры, офицеры, партийные и комсомольские работники, влиятельные религиозные деятели.

Красиво звучит и определение «адаптационные модели», но и о нем меньше всего думали спецпереселенцы, а то, что было важно, отчетливо и понятно изложил Д.Д. Джунушалиев (активное участие в хозяйственной жизни, решение многих задач социального порядка). По нашему мнению, «репрессивная политика» – это, как модно говорить в современных условиях, бренд 1990-х годов.

Весьма переоценена работа автора исследования в выявлении новых архивных документов, особенно в центральных архивах. Необходимо отметить такой момент: из 25 сносок на архивные документы центральных архивов РФ как якобы ею выявленные 23 опубликованы в открытой печати. Правда, автор забыла об этом упомянуть.

Вообще появляется желание поставить и вопрос о том, была ли полезной депортация народов на территории Киргизской ССР. Л.Н. Дьяченко не отвечает на этот вопрос.

Непонятным остается и причисление турок-мехетинцев, курдов, хемшин к этическим общностям, «в массовом порядке сотрудничавшим с фашистами». Это не соответствует действительности. Они все активно участвовали в борьбе с ними. Многие остались на полях сражений. Только курдов в партизанских отрядах погибло из 700 человек 400. По имеющимся данным, четыре курда возвратились с фронта Героями Советского Союза. Имеются данные по остальным названным этническим меньшинствам. Среди этих народов не было измены, предательства, уклонения от службы в армии и т.д.

Причины их выселения носили другой характер. Основным был международный фактор. Все зависело от позиции Турции, ее отношения к СССР. Д.Д. Джунушалиев при оценке народов делает упор на оценку, данную исследователем Л.Н. Дьяченко принудительно переселенным с территории Северного Кавказа. Наверное, в этом направлении следовало бы уделить больше внимания роли советских и партийных органов республики в улучшении отношений между этническими общностями. По нашему мнению, это и было основной задачей исследователя. И это основное постоянно в научном труде куда-то исчезает.

Фактор точности в отображении процесса принудительных переселений

Во многом не стыкуются с действительным положением процессов принудительного переселения этнических общностей (например, карачаевцев) данные публикации Е.Ф. Кринко [Кринко, 2013]. Разумеется, подобные акции не

были с самого начала порождением Союза ССР. Это во все времена применяемая практика, которую, естественно, нельзя назвать положительной. Исходя из этого, любая публикация по этим вопросам (особенно с учетом местной специфики) имеет важное значение для представления процесса принудительных переселений в целом, обобщения материалов по столь актуальной проблеме.

В связи с этим требования к подобным публикациям должно быть повышенными. Во всяком случае, они не должны отличаться поверхностным подходом, сиюминутным увлечением и должны иметь аргументированную основу, быть выверенными, не содержать неточностей по различным направлениям. Дело в том, что любые неточности вызывают не совсем верное восприятие самого процесса, нарушают последовательность хода событий и их наполняемость, тем самым порождая и неточное воспроизведение. От этого страдает и трансляция самой темы, итогов ее разработки непосредственно в аудиторию в общество.

Дискуссионными остаются и некоторые другие позиции в изучении столь сложной проблемы. Так, в статье Е.Ф. Кринко утверждает, что национально-государственное строительство, политика коренизации 1920-х годов сменились в период Великой Отечественной войны *триумфальным* выселением северокавказских народов на восток страны и ликвидацией национально-государственных образований. По своей сути и направлению данный посыл не совсем удачен и точен, да и не соответствует истинному положению дел.

Дело в том, что никакой смены позиций, мер в этом направлении не проводилось. Эти явления в годы войны применительно к Северному Кавказу были логическим продолжением заложенных начинаний сразу же в ходе борьбы за советы, а также после установления советской власти. Правда, исполнители частично менялись, но суть их политики, действий оставалась та же. Автор, как и Л. Дьяченко, игнорирует фактор принудительного переселения казачества.

Ни о каких компромиссах речи не было. Была учинена жестокая расправа над казаками, в первую очередь над казаками-офицерами с последующим их принудительным переселением в столь отдаленные места.

Следует напомнить, что именно 10 августа 1919 г. Г.К. Орджоникидзе выступил на заседании СНК РСФСР с докладом, в котором приводил информа-

цию тенденциозного характера о «привилегированности» казачьего населения на Тереке и Сунже, причем истинное положение дел в станицах Терского казачьего войска извращалось. Возможно, что именно под влиянием этого доклада уже весной 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) фактически одобрило варварские акции Орджоникидзе и его соратников по поголовному выселению казачьих общин станиц бывшей Сунженской линии. В этой ситуации методы Орджоникидзе мало чем отличались от тех, которые предлагались в директиве Яковом Свердловым.

Уже в 1920 г. на эти вопросы обратил внимание проходивший в Москве Первый Всероссийский съезд трудового казачества. В резолюции о задачах казачества, принятой съездом казаков 20 февраля – 6 марта 1920 г., указывалось: «Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа»⁸. Съезд трудового казачества объявил о «ликвидации казачьего сословия». Войсковые атаманы были изгнаны, станичные переизбраны, для управления организовывались областные и станичные комитеты. Все автономные казачьи области автоматически ликвидировались.

В другом случае шел непрерывный процесс ликвидации административно-территориальных образований – отделов, округов казачества, наблюдалась ожесточенная борьба за территорию между кабардинцами, осетинами, чеченцами, этническими общностями Дагестана. Земли их произвольно делились между союзными республиками и национально-административными автономиями. Все эти факторы довольно обстоятельно исследованы в российской историографии.

Е.Ф. Кринко утверждает, что *«первыми принудительному выселению подверглись карачаевцы»* [Там же, 19]. Утверждение автора не соответствует истинному положению дел. Было бы целесообразным схематически сконструировать хронологический ряд с учетом проведенного принудительного переселения с территории Северного Кавказа, состоявшегося до выселения карачаевцев, и вывод автора отпадет сам по себе.

В сентябре 1939 года Л.П. Берия утвердил «План выселения в Северный Казахстан ираноподданных и членов их семей согласно решению Особого со-

8 ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 84. Д. 2. Л. 3-4.

вещания при НКВД СССР от 11, 15 и 23 августа 1939 года». В Северный Казахстан подлежали выселению 2081 ираноподданный. В 1938 – 1939 гг. было выселено 8000 иранцев (из них 6300 человек – из Азербайджанской ССР). С территории Северного Кавказа в это время было выселено 448 человек [цит. по: Бугай, Мамаев, 2015, 52].

Таким образом, еще одну этническую общность (имеются в виду иранцы) в принудительном порядке переселили в новые места обитания.

Юридической основой для проведения принудительных переселений служили постановление СНК СССР от 2 марта 1940 г. о выселении «неблагонадежных элементов», секретное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г., а также утвержденное в мае 1941 г. «Положение о порядке применения ссылки на поселение для некоторой категории преступников». Уже в первый день войны – 22 июня 1941 г. – Президиумом Верховного Совета СССР был оглашен Указ «О военном положении». Им же создавалась юридическая основа для действия органов военной власти по очищению районов от элементов, признанных «социально-опасными». Под эту категорию попадали и советские немцы.

В 1941 г. последовали один за другим документы, на основе которых выселились советские немцы и с иных территорий европейской части Союза ССР, в частности, с территории и Северного Кавказа, в том числе и с территории краев и республик в начале 1940-х годов. В документе – Постановлении ГКО от 21 сентября 1941 г. № ГКО-398сс «О переселении немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР» читаем: «Переселить немцев из Краснодарского края 34 287 человек, из Орджоникидзевского края – 95 489 человек, из Тульской области – 3208 человек, из Кабардино-Балкарской АССР – 5327 человек, из Северо-Осетинской АССР – 2929 человек». С территории Кавказа было переселено более 200 000 граждан немецкой национальности.

«Освобождение» районов от «неблагонадежных», в том числе и русских, усилилось непосредственно с началом военных действий на территории СССР. Высылались так называемые антисоветские, чуждые, сомнительные, государственно-опасные и т.п. элементы. Так, 4 апреля 1942 г. Л. Берия под-

писал директивное письмо, в котором управлению НКВД по Краснодарскому краю и Керчи указывалось «немедленно приступить к очистке Новороссийска, Темрюка, Керчи, населенных пунктов Таманского полуострова, а также города Туапсе от антисоветских, чуждых и сомнительных элементов...».

В конце мая 1942 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление, предписывающее «в двухнедельный срок в том же порядке выслать государственно-опасных лиц из Армавира, Майкопа, Кропоткина, Лебединской, Петропавловской, Крымской, Тимашевской, Куцевской, Дефановской и Ростовской области (Злобненская, Нижнебатайская) и прилежащих к Краснодарскому краю районов Азовского, Батайского, Александровского...». Все указания были исполнены.

В 1943 г. обстановка оставалась напряженной в Ставропольском крае и Карачаевской автономной области. 15 апреля 1943 г. НКВД СССР и Прокуратура СССР утвердили директиву, на основе которой в принудительном срочном порядке с территории Карачаевской автономной области были выселены семьи банд-главарей и активных бандитов. Всего было выселено 110 семей (472 человека).

Поэтому вряд ли можно согласиться с выводом Е.Ф. Кринко о том, что «на карачаевцах отрабатывался сам механизм принудительного переселения, впоследствии применявшийся к другим народам Северного Кавказа» [Кринко, 2013, 20].

12 октября 1943 г. последовали Указ Президиума Верховного Совета СССР и Постановление СНК от 14 октября 1943 г. о выселении карачаевцев в Казахскую и Киргизскую ССР. Из области были принудительным порядком переселены 69 267 карачаевцев. 90 карачаевцев были выявлены в соседних со Ставропольским краем областях, в том числе и в Кабардино-Балкарской АССР, и также выселены.

Юридическим основанием выселения карачаевцев послужило принятое 14 октября 1943 г. Постановление Совета Народных Комиссаров «Вопросы НКВД СССР» № 1118-342сс, которым определялись не только граждане, попадавшие под статус спецпереселенцев, но и порядок выселения, права и обязанности спецпереселенцев.

12 октября 1943 г. последовали Указ Президиума Верховного Совета СССР и Постановление СНК от 14 октября 1943 г. о выселении *карачаевцев* в Казахскую и Киргизскую ССР. В этот период из области были выселены в принудительном порядке 69 267 карачаевцев [Чомаев, 1993; Хунагов, 1997; Хунагов, 1999; Койчуев, 1998; Шаманов, Тамбиев, Абрекова, 1999; Цуцулаева, 2001; Аджиева, 2001]; 90 карачаевцев были выявлены в соседних областях и также выселены.

Вопросу о пребывании карачаевцев и других этнических общностей в Киргизской ССР в условиях принудительного переселения, как и представителей других этнических общностей Северного Кавказа, посвятил статью доктор экономических наук, профессор Б. Кубаев [Кубаев, 2006, [www](#); Дятленко, 2010; Плоских, 2002; Чынгышев, 2008]. Автор высоко оценивает заботу местного населения о спецпереселенцах, оказанную им помощь. В статье приведены многочисленные сведения о детях спецпереселенцев, воспитывавшихся в киргизских семьях. Местное население пыталось облегчить положение взрослых, их материальное положение, брало на себя обязанности по воспитанию детей спецпереселенцев. Этнические общности Северного Кавказа, подвергшиеся репрессивным воздействиям и оказавшиеся в Киргизии, действительно обрели в республике тепло и дом. Автор приводит интересные сведения и о поистине героическом труде принудительно переселенных граждан в местах переселения.

В то же время публикация Б. Кубаева не свободна от неточностей. Приведенная автором статистика в отдельных случаях является плодом собственной фантазии, искажены как количественные характеристики, так и сам ход событий. Так, по данным Б. Кубаева, принудительному переселению были подвергнуты более 107 000 карачаевцев, что также не соответствует истинным сведениям. Автор стремится придать материалу обобщающий характер. Касаясь принудительного переселения чеченцев, ингушей и балкарцев, он пишет: «Чуть ранее, осенью 1943 г., была завершена депортация балкарцев. Кабардино-Балкария переименована в Кабардинскую автономную область, а Карачаево-Черкесская автономная область (с 26 апреля 1926 г. существовала Карачаевская автономная область – *Н.Б.*) стала Черкесской автономной областью (с 1926 г. существовал Черкесский автономный округ – *Н.Б.*)» [Там же]. Утверждение полностью не соответствует истинному положению дел. На са-

мом деле балкарская общность переселялась в Казахстан и республики Средней Азии в марте 1944 года.

В публикации приведены искаженные данные о численности подвергшихся репрессиям граждан калмыцкой национальности. В частности, даются сведения о депортации 75 000 калмыков, в то время как, по сведениям Калмыцкого обкома партии, депортации были подвергнуты более 94 000 граждан калмыцкой национальности [Бугай, 1990; Бугай, 1991; Бугай, 2003].

Не достоверны и другие данные, используемые Б. Кубаевым. По сведениям автора, только за первое полугодие (очевидно, пребывания депортированных в Киргизии) умерло более 40 000 карачаевцев [Кубаев, 2006, www], в то время как, по сведениям НКВД СССР, на территории республики было расселено 5 000 переселенных граждан карачаевцев [Бугай, 2003, 396].

В этом ряду и публикация сборника документов «ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. 1933–1945». Отдельные документы касаются принудительных переселений и реабилитации представителей разных национальных меньшинств, и особенно в плане решения территориальных споров. К сожалению, во введении составителями допущены ошибки применительно хронологии переселения народов в 1940-е годы [Гатагова и др., 2009].

В частности, отмечается о том, что в 1943 г. переселению подвергались народы целиком, в их числе названы балкарцы, греки, ингуши, калмыки, карачаевцы, крымские татары, чеченцы и др. Подобное утверждение не соответствует истинному положению дел. Вряд ли можно согласиться и с утверждением авторов введения к сборнику о том, что «депортации этнических меньшинств использовались в качестве инструмента подавления потенциального сопротивления режиму» [Там же, 7]. Это далеко не так. Мотивы неоднократно связывались и с возрождением после победы сталинского экспансионизма в отношении сопредельных стран, в частности, Турции, Ирана, Японии и др.

Заключение

Тщательное изучение представленных в обзоре работ по проблеме принудительного переселения этнических общностей в Союзе ССР в 1940-е годы

свидетельствует о сложности самой проблемы, требующей всестороннего изучения ее и в историческом, и в психологическом плане. Она касается самых тонких струн человеческого сознания и общения. Требуется и добросовестное отношение самих исследователей. Невнимательное изучение темы приводит к наличию грубых ошибок, однобоких, ничем не обоснованных мнений, искажающих действительное состояние дел, не содействует верным выводам по столь сложному периоду истории Союза ССР как многонационального государства.

Библиография

1. Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа: причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов): дис. ... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001. 151 с.
2. Бугай Н.Ф. Вынужденная миграция калмыцкого народа в 1943–1944 годах // Время перемен. Элиста, 1990. С. 25-51.
3. Бугай Н.Ф. Защита состоялась, проблемы остаются... // Приволжский научный вестник. 2014. № 7 (35). С. 118-132.
4. Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991. 88 с.
5. Бугай Н.Ф. По решению Правительства Союза ССР... Нальчик: Эль-Фа, 2003. 895 с.
6. Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде...» 1920–1960-е годы. М.: Аквариус, 2015. 416 с.
7. Володин А. Американский ГУЛлаг. А они всё о сталинских репрессиях. URL: <http://fishki.net/anti/1587096-amerikanskij-gulag-a-oni-vsyo-o-stalinskih-repressijah.html> (дата обращения: 02.10.2015).
8. Гатагова Л.С. и др. (сост.) ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933-1945. М.: Росспэн, 2009. 1095 с.
9. Дьяченко Л.Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Бишкек, 2013. 45 с.
10. Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2010. 171 с.

11. Ильина И.Н. Общественные организации в России в 1920-е годы. М.: Институт Российской истории РАН, 2000. 216 с.
12. Койчуев А.Д. Карачаево-Черкесская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского государственного педагогического университета, 1998.
13. Кринко Е.Ф. Депортация народов и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1943–1944 гг. // Вестник КИГИ. 2013. № 3. С. 17-25.
14. Кубаев Б. Достоинство. Здесь обрели тепло и дом // Слово Кыргызстана. 2006. 26 января. URL: <http://www.sk.kg/2003/n123/obch3.html> (дата обращения: 26.01.2006).
15. Нам С.Г. Корейский национальный район. М.: Восточная литература, 1991. 188 с.
16. Плоских С.В. Две страницы репрессированной культуры Кыргызстана (малоизученные страницы истории). Бишкек: Илим, 2002.
17. Стенограмма кустового совещания председателей Совета Министров, заместителей председателей крайисполкомов и облисполкомов, республик, краев и областей Северного Кавказа о завершении трудового и хозяйственного устройства возвращающегося на прежние места жительства балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского населения. 25 августа 1960 г., г. Нальчик // Известия СОИГСИ. 2011. Вып. 5 (44). С. 91-140.
18. Хан В.С., Сим Хон Ён. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. М.: Издательство МБА, 2014. 256 с.
19. Хунагов А.С. «Выслать без права возвращения...». Майкоп, 1999.
20. Хунагов А.С. Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополья (20-50-е годы): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 227 с.
21. Цуцулаева С.С. Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы историографии: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001.
22. Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск: Пул, 1993. 227 с.
23. Чынгышев Т. Воспоминания, события, люди. Бишкек: Бийиктик, 2008. 293 с.

24. Шаманов И.М., Тамбиев Б.А., Абрекова Л.О. Наказаны по национальному признаку. Черкесск: КЧФ МОСУ, 1999. 116 с.
25. Шахбанова М.М. Проблемы реабилитации репрессированных народов Дагестана (на примере чеченцев-аккинцев). Махачкала: Наука плюс, 2006.

Controversial aspects in the study of problems of forced migrations in the USSR

Nikolai F. Bugai

Doctor of History, Professor,
Chief Researcher,

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
117036, 19 Dmitriya Ulyanova str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nikolay401@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the analysis of the controversial aspects in the study of problems of forced migrations in Russian historiography. First of all, the statement of the problem should be given in accordance with the historical reality, by relying on the documentary basis, verified sources. Compliance with the rules undoubtedly contributes to the approximation to the true reflection of the realities and the accuracy of presentation of events, conclusions based on their subsequent translation to the audience, their perception and assimilation. In the present paper these aspects are traced through the analysis of the problems of forced immigration. Special attention is paid to the frequent untidiness of the authors of scientific works in presenting the material, in particular in the chronological order of a series of events. Naturally, the scope of a single article is not able to cover all controversial aspects. Therefore, not accidentally such issues as the introduction of new concepts (for example, "repentance of peoples", "geopolitical deportation", "forced deportation", etc.) are outside the scope of the article. The topic is

complex and located at the intersection of such disciplines as history, psychology, sociology; it requires attention and responsibility on the part of researchers.

For citation

Bugai N.F. (2015) Diskussionnye aspekty v izuchenii problemy prinuditel'nykh pereselenii narodov v Soyuze SSR [Controversial aspects in the study of problems of forced migrations in the USSR]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 4–5, pp. 40-73.

Keywords

Forced migration, peoples, interethnic relations, policy, power, series of events, description, distortion, evaluation, historiography, chronology.

References

1. Adzhieva E.A. (2001) *Deportatsiya narodov Severnogo Kavkaza: prichiny i sledstviya (na primere karachaevskogo i balkarskogo narodov)*. Dokt. diss. [The deportation of the peoples of the North Caucasus: causes and consequences (as exemplified by the Karachay and Balkar peoples). Doct. diss.]. Karachaevsk.
2. Bugai N.F. (1991) *Operatsiya "Ulusy"* [The operation "Uluses"]. Elista: 1991.
3. Bugai N.F. (2003) *Po resheniyu Pravitel'stva Soyuzo SSR...* [By the decision of the Government of the USSR]. Nalchik: El'-Fa Publ.
4. Bugai N.F. (1990) Vynuzhdennaya migratsiya kalmytskogo naroda v 1943–1944 godakh [Forced migration of Kalmyk people in 1943 and 1944]. In: *Vremya peremen* [A time of changes]. Elista, pp. 25-51.
5. Bugai N.F. (2014) Zashchita sostoyalas', problemy ostayutsya... [The dissertation has been defended, the problems remain...]. *Privolzhskii nauchnyi vestnik* [Privolzhsky scientific journal], 7 (35), pp. 118-132.
6. Bugai N.F., Mamaev M.I. (2015) *Kabardino-Balkarskaya ASSR: "Spasenie v edinenii i nadezhde..." 1920–1960-e gody* [The Kabardino-Balkar ASSR: "Salvation in unity and hope..." The 1920s – 1960s]. Moscow: Akvarius Publ.
7. Chomaev K. (1993) *Nakazannyi narod* [The punished people]. Cherkessk: Pul Publ.
8. Chyngyshev T. (2008) *Vospominaniya, sobytiya, lyudi* [Memories, events, people]. Bishkek: Biiiktik Publ.

9. D'yachenko L.N. (2013) *Deportirovannyye narody na territorii Kyrgyzstana (problemy adaptatsii i reabilitatsii)*. *Avtoref. dokt. diss.* [Deported peoples in the territory of Kyrgyzstan (problems of adaptation and rehabilitation). Doct. diss. abstract]. Bishkek.
10. Dyatlenko P.I. (2010) *Reabilitatsiya repressirovannykh grazhdan v Kyrgyzstane (1954–1999 gg.)*. *Avtoref. dokt. diss.* [Rehabilitation of repressed citizens in Kyrgyzstan (1954–1999). Doct. diss. abstract]. Bishkek.
11. Gatagova L.S. et al. (comp.) (2009) *TsK VKP(b) i natsional'nyi vopros. Kn. 2. 1933-1945* [The Central Committee of the CPSU(b) and the national question. Book 2. 1933–1945]. Moscow: Rosspen Publ.
12. Il'ina I.N. (2000) *Obshchestvennyye organizatsii v Rossii v 1920-e gody* [Public organizations in Russia during the 1920s]. Moscow: Institut Rossiiskoi istorii RAN Publ.
13. Khan V.S., Sim Khon En (2014) *Koreitsy Tsentral'noi Azii: proshloe i nastoyashchee* [Koreans in Central Asia: the past and the present]. Moscow: Izdatel'stvo MBA.
14. Khunagov A.S. (1997) *Deportatsiya narodov s territorii Krasnodarskogo kraia i Stavropol'ya (20–50-e gody)*. *Dokt. diss.* [The deportation of peoples from the Krasnodar region and Stavropol territory (1920s-1950s). Doct. diss.]. Moscow.
15. Khunagov A.S. (1999) *"Vyslat' bez prava vozvrashcheniya..."* ["To deport without the right to return..."]. Maikop.
16. Koichuev A.D. (1998) *Karachaev-Cherkesskaya avtonomnaya oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945* [The Karachay-Cherkess Autonomous Region during the Great Patriotic War (1941-1945)]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.
17. Krinko E.F. (2013) *Deportatsiya narodov i administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Severnom Kavkaze v 1943–1944 gg.* [Deportation of peoples and administrative-territorial transformations in the North Caucasus during 1943–1944]. *Vestnik KIGI* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences], 3, pp. 17–25.
18. Kubaev B. (2006) *Dostoinstvo. Zdes' obreli teplo i dom* [Dignity. Here they found warmth and home]. *Slovo Kyrgyzstana* [The word of Kyrgyzstan], 26th Jan. Available at: <http://www.sk.kg/2003/n123/obch3.html> [Accessed 26/01/06].

19. Nam S.G. (1991) *Koreiskii natsional'nyi raion* [Korean national area]. Moscow: Vostochnaya literature Publ.
20. Ploskikh S.V. (2002) *Dve stranitsy repressirovannoi kul'tury Kyrgyzstana (malozuchennye stranitsy istorii)* [Two pages of the repressed culture of Kyrgyzstan (little-known pages of history)]. Bishkek: Ilim Publ.
21. Shakhbanova M.M. (2006) *Problemy reabilitatsii repressirovannykh narodov Dagestana (na primere chechentsev-akkintsev)* [Problems of the rehabilitation of the repressed peoples of Dagestan (as exemplified by the Chechens-Akkins)]. Makhachkala: Nauka plyus Publ.
22. Shamanov I.M., Tambiev B.A., Abrekova L.O. (1999) *Nakazany ponatsional'nomu priznaku* [Punished on a national basis]. Cherkessk: KChF MOSU Publ.
23. Stenogramma kustovogo soveshchaniya predsedatelei Soveta Ministrov, zamestitelei predsedatelei kraispolkomov i oblispolkomov, respublik, kraev i oblastei Severnogo Kavkaza o zavershenii trudovogo i khozyaistvennogo ustroistva vozvrashchayushchegosya na prezhnie mesta zhitel'stva balkarskogo, chechenskogo, ingushskogo, kalmytskogo i karachaevskogo naseleniya. 25 avgusta 1960 g., g. Nal'chik [A shorthand report of the sectional meetings of chairmen of the Council of Ministers, vice-chairmen of the district and regional executive committees, republics, territories and regions of the North Caucasus on the completion of labour and household placement of Balkar, Chechen, Ingush, Kalmyk and Karachay population returning to their former places of residence. August 25, 1960, Nalchik] (2011). *Izvestiya SOIGSI* [Bulletin of North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies], 5 (44), pp. 91–140.
24. Tsutsulaeva S.S. (2001) *Repressirovannye narody Severnogo Kavkaza v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: problemy istoriografii. Dokt. diss.* [The repressed peoples of the North Caucasus during the Great Patriotic War (1941–1945): problems of historiography. Doct. diss.]. Kazan.
25. Volodin A. (2015) *Amerikanskii GULag. A oni vse o stalinskikh repressiyakh* [The American Gulag. And they continue talking only about the Stalinist repressions]. Available at: <http://fishki.net/anti/1587096-amerikanskij-gulag-a-oni-vsyo-o-stalinskih-repressijah.html> [Accessed 02/10/15].